
К. ПЕТКЕВИЧ

ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ КАК ИСТОЧНИК МНОГОВЕКОВОГО ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОГО КОНФЛИКТА В СВЕТЕ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются взгляды польских историографов на изменения в геополитической ситуации в Восточной Европе обусловленные присоединением к Польше южнорусских земель (Украины), отделенных от Великого княжества Литовского польским королем Сигизмундом II Августом. Таким образом, впервые в истории у Польши появилась общая граница с Россией. Автор критически оценивает споры польских историков о последствиях так называемой польской восточной политики и многовекового польско-российского конфликта, который закончился победой России и разрушением Речи Посполитой Обоих Народов.

***Ключевые слова:** Россия, Польша, Великое княжество Литовское, Люблинский сейм 1569 года, российско-польские отношения, великая смута, польская историография.*

Возникновение новой геостратегической системы в Восточной Европе вследствие решения Люблинского сейма в 1569 г., а в результате формирования на долгие столетия польско-российских отношений является фактом. Нельзя рассматривать его однозначно, без определенных оговорок. Первая касается Люблинской унии, упомянутой в заголовке статьи, ибо речь не идет о самом акте так называемой реальной унии Польши и Литвы, образовавших новое общее государство – Речь Посполитую Обоих Народов, но, с сегодняшней (национальной) точки зрения, дело заключается в сопутствующем унии изменении границ, произведенном Сигизмундом Августом. Отсюда и история польско-литовской унии рассматривается в контексте польской восточной политики. Стоит согласиться с принятым в историографии взглядом, что Кревская уния, заключенная в 1385 г., была скорее стратегическим союзом, нежели фак-

тической унией. В случае возникновения угроз можно было использовать потенциал обоих государств, как это было в борьбе с Тевтонским орденом. Однако ее существенной основой, как это убедительно доказал Оскар Халецки (Halecki 1923), был компромисс, завершающий открытую войну за правление Русью. Ибо перед заключением унии, с момента вторжения Польши на территорию Галицко-Волынского княжества, польские правители вели продолжительные войны с Литвой, реализующей программу захвата всей Руси. Компромисс, выработанный в 1385 г. и просуществовавший до 1569 г., создал одновременно и Польше, и Литве условия, благодаря которым Ягеллоны могли без опасений удара с тыла проводить экспансию в Чехии и Венгрии, а Великое княжество Литовское – до определенного момента эффективно подчинять себе очередные русские земли.

По мнению Ежи Топольского (Jerzy Topolski), до второй половины XVI в. уния Польши и Литвы имела персональный (династический) характер, хотя и она бывала под угрозой; например, после смерти Казимира IV в 1492–1501 гг. она формально не существовала. Лишь после избрания королем Польши Александр Ягеллончик вернул основы династической унии, которая просуществовала до 1569 г. В этот первый период унии имперская позиция Великого княжества Литовского в Восточной Европе медленно слабела. Захваты, которые дали Литве власть на территории до Смоленска и Черниговско-Северских земель на Востоке, доминирование над Великим Новгородом и Псковом на севере, на юге – Киевские земли и Подолье до Черного моря, прекратились после смерти Витовта в 1430 г. Во второй половине XV в. вместе с окончательным распадом Золотой Орды дает о себе знать Великое княжество Московское. Оно освободилось от татарской зависимости и начинает процесс собирания русских земель. Великий князь Московский Иван III в 1492 г. начал ряд московско-литовских войн, которые позволили Москве править Великим Новгородом, Черниговско-Северскими землями до Днепра и Смоленском.

Помимо огромных потерь, охвативших треть территории государства, Великое княжество Литовское в рамках союза с Польшей успешно охраняло свое своеобразие. В польских традициях

эти тенденции получили название литовского сепаратизма. Однако фактически до прекращения династии Ягеллонов на Сигизмунде Августе (умер бездетным в 1572 г.) поддержка династического характера унии была в интересах Ягеллонов, имевших в Литве наследственную власть, в противовес выборной монархии в Польше. Великое княжество также эффективно охраняло свои русские имения от притязаний поляков, с 1385 г. постоянно требующих выполнения мнимых обязательств включения Литвы в состав Польши.

Очередная угроза Великому княжеству Литовскому возникает после начала Ливонской войны (1558–1570) и занятия войском Ивана Грозного Полоцка, что окончательно убедило литовскую сторону о необходимости тесного союза с Польшей. Однако только огромное давление короля – в 1564 г. Сигизмунд Август передает свои династические права на Литву в пользу Короны Королевства Польского, – а на сейме (упомянутом в заглавии статьи) в Люблине весной 1569 г. односторонняя передача Польше Подляшья и Волыни с восточным Подолем (Брацлавщина) и Киевщиной определили новую территориальную форму унии. Именно этот акт охвата Польшей всей южной Руси (Украины) вместе с Подляшьем является осью дискуссии о формировании польско-российских отношений Нового времени. Уже на сейме 1569 г. коронный Сенат обратил внимание, что Польша приобрела непосредственную границу с Москвой и приняла на себя всю ответственность по обороне Речи Посполитой от татар.

Согласно довольно синтетическому взгляду, выраженному Е. Топольским, который заимствовал главные тезисы, отраженные в обширных работах Юлиуша Бардаха (Juliusz Bardach), существенным мотивом Люблинской унии была необходимость общей защиты от Москвы, а также тот факт, что от унии получили пользу литовцы, Польша же многое потеряла, втянутая в непосредственный конфликт с Россией. Похоже, что главным в интересах Великого княжества Литовского было стремление Сигизмунда Августа к правлению Ливонией, граничащей с Литвой. Итогом стала Ливонская война, а затем возникли планы Батория, желающего использовать потенциал России для войны с Турцией и втянувшего Польшу в не-

скончаемый конфликт с Россией. Топольский и Бардах представляют характерный для польской историографии конца XX в. взвешенный взгляд на унию, однако критически оценивают исторический итог с точки зрения окончательного поражения от Москвы, которого можно было бы избежать (Topolski 1994: 175–176; Bardach 1988: 19, 23, 25, 64–65, 68). Уния с Литвой втянула Польшу в длительные и изнурительные войны с Россией. Власть над Поднепровской Украиной и Подолем вынуждала Польшу к охране южных границ от татар, а также способствовала различным конфликтам с Турцией (избрание турецкого вассала королем в лице Стефана Батория на короткое время нейтрализовало ситуацию). Польско-казацкие войны, повторяющиеся с конца XVI в., внутренне ослабляли Польшу. Их кульминацией явилось в 1648 г. восстание Б. Хмельницкого, это стало началом полосы военно-политических поражений в середине XVII в., ведущих к упадку мощи Речи Посполитой.

По мнению Ю. Бардаха, многовековые усилия Польши, направленные на экспансию Востока, закончились неудачей. В результате оказались растрочены огромные человеческие ресурсы, предприимчивость и политическая активность, которые, если направить их в сторону интенсификации внутренней жизни Польши или использования Тридцатилетней войны XVII в. для возврата Силезии, могли бы – размышляя в гипотетических категориях возможностей – дать результаты, более положительные для будущего народа.

Подобного взгляда придерживается и Генрик Ловмянский, выразивший свою позицию сразу после Второй мировой войны, после испытаний нацизмом (однако неизвестную до публикации в 1999 г.), настроенный решительно критически в отношении восточного направления польской политики. Подытоживая территориальные изменения, проведенные в Люблине, Ловмянский констатировал, что таким способом на закате ягеллонской эпохи свершился весьма значительный акт, который определил, можно сказать, на несколько столетий, на период после разделов Польши, направление польской политики, связывая ее с востоком. С этого времени должна была развиваться польская экспансия и все военные усилия должны были быть направлены на оборону этих территорий.

Управление большими территориями без особых трудностей укрепило среди шляхты веру в собственные силы и родило надежду на дальнейшие успехи в будущем. С другой стороны, направление активной политики на восток означало отказ от простых постулатов национальных интересов Польши на западе. Если в польской политике еще когда-то поднимался вопрос о Силезии или Герцогстве Пруссии, то лишь теоретически. Это были отрицательные последствия Люблинской унии. Польша распространилась на чужие территории и все силы посвятила их удержанию, а собственные территории Пястов, захваченные чужеземцами, оставила без внимания (Łowmiański 1999: 628).

На другом полюсе находятся взгляды Оскара Халецкого и Людвика Коланковского, представителей историографии межвоенного периода. Оба ученых соглашались с тезисом в том, что предпосылками унии со стороны Литвы были значительные потери, понесенные в войнах с Москвой, и что присоединение южнорусских земель к Короне означало принятие на себя всей тяжести по обороне Кресов и непосредственные столкновения с Москвой. Однако Речь Посполитая была обязана Сигизмунду Августу возвращением к северо-восточной политике, с явной целью приобрести преимущество на Балтике и сдерживать московский напор (Halecki 1923: 112–114). Столкновение же Польши со всей восточной проблемой, с представительной фазой эпохи короля Стефана и апогеем при династии первых Васов, будет на самом деле только эпилогом в работах Сигизмунда Августа. Так историография упоминаемого периода конструировала образ великодержавной позиции Речи Посполитой, которая фактически до второй половины XVII в. доминировала в Восточной Европе (Kolankowski 1991[1936]: 216–219). Ее символом был Стефан Баторий с легендой о его победах на востоке, а присутствие польской армии под Псковом будило воображение поколений, которые после Первой мировой войны отстраивали независимую Польшу.

Генрик Виснер, соглашаясь с общим направлением новой польской историографии, представил очень интересную концепцию. Он выявил, что отношения возникшей в 1569 г. Речи Посполитой с Россией отличались не только войнами, но также стремлением к объединению, к расширению унии, и что во взаимоотношениях

преобладали не только страх, презрение и враждебность, но одновременно и восхищение. Попытки объединения Речи Посполитой Обоих Народов и Москвы в одно государство продолжались в течение почти ста лет, со смерти Сигизмунда Августа в 1572 г., когда литовские магнаты проявили инициативу отдать престол Ивану IV, после заката правления Яна Казимира и избрания Михаила Корибута Вишневецкого в 1669 г. Очередные проекты представлялись всегда тем государством и обществом, которое было сильнее или считало себя таковым: Речью Посполитой до заключения Деулинского перемирия (1618 г.) и Москвой начиная со смерти Владислава IV (1648 г.), во время поражений Речи Посполитой и успехов собственных войск. По мнению Г. Виснера, неудаче в первом, польско-литовском, периоде способствовало стремление к открытию Московского государства – новой Индии – перед Речью Посполитой; стремление к принятию московскими боярами польских прав и обычаев, к объединению христианства под эгидой Рима, а позже – проблема подчинения Украины, позиция Римско-католической церкви, воздействие империи Габсбургов и Франции. О неудаче всех этих проектов свидетельствует тот факт, что в двусторонних отношениях сильная сторона всегда была чрезмерно мощной, что вызывало очевидные опасения. Слабая сторона была в свою очередь достаточно сильной, чтобы отказаться от проекта.

В истории польско-русских отношений особое место в историографии занимает Смутное время и польская интервенция в России. Как говорилось выше, Г. Виснер смотрел на попытку возведения польских Васов на царский престол в контексте проектов объединения обеих стран. Анджей Андрусевич, автор фундаментальных польских исследований по этому вопросу, указал, что в Смутное время наступил пик польского “*Drang nach Osten*”. Поход на Восток не получился, но после него осталась легенда, которая заставляла верить, что полякам не были чужды намерения взять реванш за «историческое унижение». В польском сознании начал образовываться миф, согласно которому историческое своеобразие Литвы размазывалось или вообще отрицалось. Действительно, в 1611 г. войска Сигизмунда III захватили Смоленск и часть Северной земли, потерянные сто лет назад Великим княжеством Литовским, что считалось большим успехом и возвращением к великолепию ягел-

лонской эпохи. Однако возведение Васов на московский престол закончилось неудачей. В России победило убеждение, что только «народный царь» возродит страну. Москва была потеряна для Польши. Поход королевича Владислава в 1617–1619 гг. был, по мнению А. Андрусевича, наименее подготовленной военной операцией из всех, которые Речь Посполитая вела в XVII в. В этой игре в войну было что-то ужасное и одновременно беззаботное. «Большой Брат» с Запада собрался спасти «больного человека» Восточной Европы. Однако в итоге расклад сил изменился.

Сравнивая пути развития России и Польши, А. Андрусевич констатировал, что борьба со Лжедмитриями привела к преобразованию сознания общества в направлении православной теократии, зависимой от силы царя и православной церкви. Возникшее необыкновенно сильное национально-религиозно-патриотическое движение эффективно заблокировало чужим династиям доступ к престолу. Смутное время вызвало изменение стратегической ориентации Москвы. Русское государство, до сих пор расширявшее свои границы на Восток, отразив нападение со стороны Речи Посполитой и Швеции, повернулось на Запад, где столкнулось с цивилизациями и могучими католическо-протестантскими государствами. Одним словом, вышеупомянутый ученый имел в виду, что начался русский “*Drang nach Westen*”.

Целью первых шагов на внешнеполитической арене, в том числе военных действий, предпринятых Михаилом Романовым, был возврат утраченных земель, восстановление утерянного международного престижа и создание новых союзов. В изменившихся исторических условиях Россия стремилась к решению больших задач, которые ставил перед ней XVI в. Окончание Смутного времени совпало с великой европейской войной (1618–1648 гг.), разделившей континент на два вражеских лагеря: габсбургский, возглавляемый австрийским императором, и антигабсбургский, возглавляемый королем Франции. Сражающиеся друг против друга христианские лагеря беспокоились о своей безопасности на Востоке и конкурировали за вхождение на огромный российский рынок. Для России такая ситуация была полезной, так как это способствовало прекра-

щению внешней изоляции путем вступления в различные политические и экономические союзы, возникавшие в охваченной Тридцатилетней войной Европе, в которой православный Восток не участвовал.

Очередным важным периодом в истории взаимоотношений был кризис Речи Посполитой в первой половине XVII в., начавшийся восстанием Богдана Хмельницкого в 1648 г., которое привело к конфликту с Россией в результате присоединения царем Алексеем Михайловичем Левобережной Украины в 1654 г. Этот период, завершившийся Андрусовским перемирием в 1667 г., по мнению польских историков, означал фактический раздел между Польшей и Россией восставшей Украины, желавшей стать третьей частью Речи Посполитой – Русским княжеством (Serczyk 2001; Jasienica 1967). По мнению Збигнева Вуйцика, власти России, наблюдая в 1653 г. уже значительный кризис Речи Посполитой, решили вернуться к идее объединения всей Руси. С началом войны с Польшей в 1654 г. царь присвоил себе титул государя всей «Великой, Малой и Белой России». Уже в начале войны русская армия взяла Смоленск, который навсегда вошел в состав русского государства, и обозначила свои границы на Днепре возле Киева.

Дальнейшее развитие взаимоотношений продвигалось в сторону укрепления России и ослабления Речи Посполитой. По мнению Г. Виснера, когда в польском обществе возникли первые симптомы тяжелой болезни, завершившейся гибелью государства, русское общество выздоравливало и начинало постройку империи. Это не король Польши стал царем России, но царь России стал королем Польши. Польша потеряла земли, захваченные на Востоке так же быстро, как раньше овладела ими.

Взаимоотношения обоих обществ определились различиями во внутренней ситуации. Это была цена, которую пришлось заплатить за модель государства, сформировавшуюся в управляемой самодержцами Российской империи и в Речи Посполитой Обоих Народов, которой завладела шляхетская анархия. Эта цена заключалась в переходе от необыкновенной свободы к также необыкновенному, завершившемуся потерей независимости падению, а следовательно, превращении граждан в жителей управляемого Романовыми Цар-

ства Польского, Привислинского края, западных губерний. Такой подход определяется памятью польской стороны. Что касается российской позиции, еще во второй половине XIX в. известный консервативный публицист Михаил Катков представлял репрессии после Польского восстания 1863 г. как справедливый реванш России за разрушения, нанесенные поляками в Смутное время. Из-за этого в современной публицистике, посвященной истории польско-русских отношений, преобладают старые обиды и предубеждения.

Литература

- Andrusiewicz, A.** 1999. *Dzieje wielkiej smuty*. Katowice.
- Bardach, J.** 1988. *O Rzeczpospolitą Obojga Narodów. Dzieje związku Polski z Litwą do schyłku XVIII wieku*. "Dzieje narodu i państwa polskiego". Z. I–10. KAW. Warszawa.
- Halecki, O.** 1923. *Dzieje unii jagiellońskiej*. T. 2. Warszawa.
- Jasienica, P.** 1967. *Rzeczpospolita Obojga Narodów*. T. 2. Warszawa: Calamitatis Regnum.
- Kolankowski, L.** 1991[1936]. *Polska Jagiellonów: dzieje polityczne*. Olshzyn.
- Łowmiański, H.** 1999. *Polityka Jagiellonów*. Poznań.
- Serczyk, W. A.** 2001. *Historia Ukrainy, Ossolineum*. Wrocław.
- Topolski, J.** 1994. *Polska w czasach nowożytnych. Od środkowoeuropejskiej potęgi do utraty niepodległości (1501–1795)*. Poznań.
- Wisner, H.** 1995. *Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku*. Warszawa.